

Император не стал широко афишировать то, что натворил Третий принц, однако в столице не было никого, кто не знал бы, почему он угодил в столь плачевное положение.

Помимо Третьего принца, правый премьер-министр Шэнь Мубай неожиданно подал в отставку и исчез, затерявшись в неизвестном направлении. Говорили, что дед Шэнь Мубая в ту же ночь явился во дворец на аудиенцию к Императору и, рискнув своей старостью и авторитетом, сумел вымолить жизнь для внука.

Сяхоу Дин отделался легче, но его понизили в должности, и великий полководец Сяхоу увез его домой на перевоспитание, причем было совершенно неясно, когда он сможет снова показаться на людях.

Судя по его состоянию в тот день, взаперти его держал вовсе не домашний арест, назначенный великим полководцем Сяхоу, а тяжелая психологическая травма, нанесенная Юнь Цзиньсэ. Если он не сможет преодолеть этот внутренний барьер, то как мужчина он будет окончательно кончен.

Юнь Фэй было совершенно не до этого, потому что вскоре произошло событие, которое показалось ей одновременно неожиданным и вполне предсказуемым.

Император неожиданно пожаловал Третьему принцу и Юнь Цзиньсэ императорский указ о браке.

Со стороны это выглядело полнейшим абсурдом, но стоило Юнь Фэй вспомнить о старом настоятеле Храма Защиты Государства, который в оригинальном сюжете погиб столь ужасной смертью, как она поняла, что этот старик обладал определенными духовными силами.

По сюжету он разглядел, что Юнь Цзиньсэ неминуемо принесет беды и несчастья Государству Цзян, и попытался помешать Третьему принцу Чу Тяньлин взять ее в жены.

В то время статус Чу Тяньлина как наследного престола был уже незыблем, и он лишь ждал смерти Императора, чтобы взойти на трона. Желая продемонстрировать свое могущество и истинную любовь, он, разумеется, безжалостными методами расправился с высокопоставленным монахом, посмеявшимся «возводить хулу на небо и смущать умы людей».

Бедняга Император в тот момент был тяжело ранен ядом, подброшенным убийцей из Государства Ляо, и абсолютно ничего не знал об этом происшествии — иначе с чего бы ему позволять Чу Тяньлину творить подобное беззаконие?

Чу Тяньлин был главным героем-мужчиной, а Юнь Цзиньсэ — главной героиней-женщиной, и все сюжетные линии вращались вокруг них двоих, так что их союз можно было назвать предопределенным небесами.

Раз уж этот просветленный монах смог разглядеть в Юнь Цзиньсэ лик бедствия, несущего гибель миру, он, естественно, смог увидеть и судьбу, связывающую ее с Третьим принцем.

Очевидно, именно он предложил эту идею с пожалованием брака. Уж на что капризны и изощренны были методы этого Императора, но здесь, пожалуй, все было не так просто: скорее всего, он решил пожертвовать собственным сыном Чу Тяньлином, чтобы остановить эту зловещую демоницу, способную погубить мир.

Что же до дальнейшей судьбы Чу Тяньлина, то она, разумеется, вовсе не волновала Императора.

Родительская любовь в императорском семействе всегда была таковой: тех, кого любят, хотят одарить жизнью, а тех, кого ненавидят, — предать смерти. Император потому и зовется Императором, что превыше всего он — монарх, и лишь во вторую очередь — отец. К тому же черед безумных выходок Чу Тяньлина уже окончательно стерла те крохи отцовской любви, что еще теплились в сердце правителя.

Юнь Фэй тоже достигла возраста ношения шпильки для волос, и по идее ей уже положено было вступать в брак.

Однако она не выносила никаких ограничений, к тому же времени на общение с Четвертым принцем у них было немного, поэтому после долгих обсуждений Император с Гуйфэй решили пока дать молодым людям возможность получше узнать друг друга.

Свадьба Юнь Фэй и Четвертого принца не горела, зато о чем-то другом браке стоило побеспокоиться по-настоящему. Старшему принцу уже перевалило за двадцать, он давно перерос возраст, подходящий для женитьбы. Император проговорил с великим генералом Сяхоу целое полугодие — вернее, целый день, и уже на следующий день пожаловал брачный указ.

Старший принц, всё ещё находившийся на границе, узнав новость, мгновенно пришел в неописуемый восторг и в тот же день отправился в путь обратно в столицу, чтобы готовиться к свадьбе.

Вернувшись, старший принц отыскал день, благоприятный для заключения брака, и окончательно уладил все вопросы с помолвкой.

Сяхоу Минчжу была одного возраста с Юнь Фэй и тоже совсем недавно прошла через церемонию шэньгуань — совершеннолетия; на её лице еще виднелись следы детской наивности, но, судя по её сияющему виду, этой свадьбой она была явно довольна.

Вплоть до самого дня свадьбы Юнь Фэй так и не увидела Сяхоу Дина.

Будучи кровным старшим братом Сяхоу Минчжу, он определенно должен был присутствовать на её выдаче замуж, однако из-за прежнего инцидента Сяхоу Дин всё еще оставался под домашним арестом.

Третий принц всё же показался на людях, но его лицо было свинцово-серым, он скрипел зубами, а вид у него был такой, будто он готов загрызть Юнь Фэй и тех нескольких своих братьев. Это вызвало у Императора сильнейшее отвращение, и он приказал увезти его обратно под стражу.

Месяц спустя после свадьбы старший принц и Сяхоу Минчжу, разумеется, были неразлучны, но в конце концов старший принц не высиел на месте и вместе с Сяхоу Минчжу отправился на границу, доведя великого генерала Сяхоу до такого бешенства, что тот готов был совершить государственную измену и помчаться на границу, чтобы хорошенько избить этого своего зятя.

Не прошло и нескольких месяцев после свадьбы старшего принца, как настала очередь справлять свадьбу Третьего принца.

По сравнению с пышным приданым Сяхоу Минчжу, тянувшимся на десять ли, Юнь Цзиньсэ выглядела куда более жалкое: у неё не было даже гроша личных сбережений, а Юнь Ле, узнав обо всём, что совершила Юнь Цзиньсэ, тут же выгнал её из семьи Юнь.

Юнь Ле всю жизнь отличался строптивым нравом, преданностью государству и любовью к родине. Если бы его родная дочь Юнь Цзиньсэ совершила какой-нибудь другой проступок, порочающий её репутацию, он вполне мог бы закрыть на это глаза, но она посмела тайком вступить в порочную связь с принцем Государства Ляо и даже помогла ему бежать из города. Как мог он стерпеть подобное предательство родины, не говоря уже о том, что нынешняя Юнь Цзиньсэ с большой долей вероятности являлась убийцей его родной дочери.

Как бы пренебрежительно Юнь Ле ни относился к Юнь Цзиньсэ, между ними всё же оставалась доля отцовской и дочерней любви. Если бы не уговоры Императора, с его вспыльчивым характером он бы наверняка прямо на месте казнил эту самозванку.

В день свадьбы Третьего принца Юнь Фэй присутствовала там и, конечно же, увидела Юнь Цзиньсэ в парадном головном уборе с фениксами и расшитых золотом одеждах.

Выход замуж за Третьего принца и обретение статуса законной супруги Третьего принца можно было считать исполнением её заветного желания, однако на её лице не было ни малейшей радости — лишь глубокая тоска, и даже наложенный румянец не мог скрыть того, как сильно она осунулась. Изначально её вполне можно было назвать писаной красавицей, но теперь её лицо пугающе побелело, в нём не осталось ни капли крови, словно перед ним лежавшее мёртвое тело. А этот взгляд её глаз казался до ужаса пустым.

Юнь Фэй даже слегка удивилась. Конечно, она знала, что после разоблачения Юнь Цзиньсэ придётся несладко, но никак не ожидала, что та докатится до такого состояния.

Неужели боевая мощь у неё настолько низкая???

Однако она не стала принимать это близко к сердцу — в конце концов, Юнь Цзиньсэ сама навлекла на себя такую участь.

Обладая превосходством попаданки, она вполне могла бы жить припеваючи, но вместо этого проявила жадность и капризность, не желая знать меры. Мало того что она отняла жениха у собственной сестры, так ещё и крутила романы на несколько фронтов — вполне естественно, что теперь ей приходится расплачиваться за крушение своих лодок.

С тех пор Юнь Фэй больше ни разу не видела Третьего принца и даже не пыталась наводить о них справки.

Пока они не лезли к ней, она не была настолько праздной, чтобы непременно кого-то уничтожать.

Государство Ляо снова пошло войной на Государство Цзян, и великий полководец Сяхоу вместе с Сяхоу Дином выступил в поход, чтобы дать отпор врагу.

Однако спустя всего три месяца Юнь Фэй получила весть о гибели Сяхоу Дина, а примчавшаяся с приграничья в столицу Сяхоу Минчжу прямо на месте рыдала, потеряв сознание в объятиях Юнь Фэй.

Изначально прежняя хозяйка тела и Сяхоу Минчжу были закадычными подругами, выросшими вместе. Вот только, без памяти влюбившись в Третьего принца Чу ТяньЛин, прежняя хозяйка словно сошла с ума и забросила даже некогда самую близкую подругу, из-за чего их общение оборвалось. После того как Юнь Фэй попала в этот мир, они с Сяхоу Минчжу быстро нашли общий язык и стали хорошими подругами, поскольку обладали схожими характерами.

Сяхоу Минчжу была очень привязана к Сяхоу Дину, и весть о его смерти принесла ей невыносимую боль.

Юнь Фэй хладнокровно расспросила о подробностях.

Узнав истинное лицо Юнь Цзиньсэ, Сяхоу Дина словно подменили: он пал духом и целыми днями ходил сам не свой. Оказавшись на поле боя, он замер в душевном помрачении, увидев женщину, похожую на Юнь Цзиньсэ, и в этот момент враг совершил внезапное нападение. Получив ранение, он в конце концов пал смертью храбрых на поле брани.

Пусть Сяхоу Дин в чём-то и страдал излишней романтичностью, слепо веря на слово другим, он действительно был толковым военачальником. Перед смертью он срубил голову вражескому полководцу, так что умирать ему было уже не стыдно.

Узнав правду, Сяхоу Минчжу возненавидела Юнь Цзиньсэ и Чу Тяньлина пуще прежнего. Она даже отправилась в поместье Третьего принца учинить грандиозный скандал, однако саму Юнь Цзиньсэ так и не увидела.

Поместье Третьего принца уже давно стало всеобщим посмешищем во всей столице, а после выходки Сяхоу Минчжу это место и вовсе превратилось в запретную зону, которую все старались обходить десятой дорогой — прохожие даже нос воротили от одной мысли пройти мимо ворот поместья Третьего принца.

По сравнению с первоначальным финалом, где Третий принц собирался избавиться от него, как от отслужившего свой срок верного пса, Сяхоу Дин погиб как подобает мужчине, не посрамив славное имя семьи Сяхоу.

После гибели Сяхоу Дина великий полководец Сяхоу, собственными глазами видевший мучительную смерть сына, от тяжести утраты был вынужден вернуться в столицу для восстановления сил, и противостоять Государству Ляо вместо него отправился отец Юнь Фэй, Юнь Ле.

У Юнь Фэй уже давно созрел план в голове, но, глядя на то, как Сяхоу Минчжу день за днём проливает слёзы, она была вынуждена отложить его реализацию.

В те дни она усаживала Сяхоу Минчжу рядом и терпеливо разъясняла ей всё положение дел: «Всё это наверняка подстроил наследный принц Государства Ляо Елюй Гу. Он ведь уже бывал в столице и крутил шашни с Юнь Цзиньсэ, а значит, прекрасно знал слабые места твоего брата и намеренно затеял эту ловушку. Если я не ошибаюсь, в столице до сих пор прячутся его лазутчики. Минчжу, если ты хочешь отомстить за брата, тебе нужно как можно скорее взять себя в руки».

Оплавав всё до слёз, Сяхоу Минчжу смахнула влагу с лица, и в её опухших от слёз глазах застыли непреклонная решимость и жгучая ненависть. Смерть брата причиняла ей невыносимую боль, но она не собиралась раскисать. Она — женщина из рода Сяхоу, и она знала, что должна быть сильной.

В темноте ночи раздался оглушительный грохот — дверь аптеки Хуэйцзи распахнулась от мощного пинка.

Холодный лунный свет хлынул из-за порога, и облачённая в чёрные облегающие одежды женщина с длинным копьём в руках уверенно зашагала внутрь.

От громкого звука несколько человек высыпали наружу: четверо или пятеро молодых подмастерьев с сонными глазами совершенно не понимали, что происходит.

В этот момент ожидавшая поблизости стража со смехом бросилась вперед и скрутила их.

Сяхоу Минчжу продолжала идти вперед, а стоявшая рядом Юнь Фэй в ярко-красном парчовом платье предостерегла её: «Аптека Хуэйцзи уже давно вступила в сговор с Государством Ляо, у них наверняка припасены козыри в рукаве, будь предельно осторожна».

Это было дело чести самой Сяхоу Минчжу, и Юнь Фэй не собиралась вмешиваться без надобности.

Да и Сяхоу Минчжу не была безрассудной воительницей, способной лишь очертя голову бросаться в бой. Она кивнула: раз уж она решилась явиться сюда, то, разумеется, имела за душой веские основания. Копьеносное искусство рода Сяхоу гремело на всю округу — некогда старый генерал Сяхоу именно с одним лишь копьём в руках помог прежнему Императору завоевать Поднебесную.

Увидев выходящих из задних комнат двух рослых мужчин с широкими тесаками наперевес, они ничуть не удивились.

Когда они расследовали дело о внутренних предателях, всё уже встало на свои места. Кто бы мог подумать, что аптека Хуэйцзи, издавна славившаяся своей добродетелью и благотворительностью, на самом деле давно продана Государству Ляо и годами сливала им все столичные секреты.

Сяхоу Минчжу и впрямь была великолепна: столкнувшись с двумя амбалами внушительной

комплексии, она не выказала ни малейшего страха. Стоило её длинному копыю взметнуться вперед, как в ночи сверкнула холодная искра, а брызнувшая кровь украсила ночной мрак. Солнце постепенно вытеснило луну, и на рассвете Сяхоу Минчжу покинула аптеку, прихватив две свежие головы — с дальнейшими делами разберутся чиновники.

Юнь Фэй шла следом за ней, провожая взглядом, пока та благополучно не вернулась в особняк Сяхоу, и лишь после этого повернула обратно.

Юнь Фэй была круглой сиротой, у неё не было родителей, но добрая заведующая детским домом никогда не скупилась на материнскую ласку. Позже ей посчастливилось встретить агента, которая заботилась о ней как о родной младшей сестре.

Если вдуматься, ей на самом деле очень повезло. Даже когда её насильно связала система и ей пришлось пережить бесчисленные муки, на пути ей встретились единомышленники.

Интересно, как они сейчас?

Юнь Фэй посмотрела на восходящее солнце и невольно улыбнулась, приподняв уголки губ.

Мир устроен так: он не станет меняться ради кого бы то ни было. Хороша жизнь или плоха, солнце неизменно взойдёт вновь, и утренний свет всё так же озарит землю.

Рождённая быть императрицей (7)

Военные действия затянулись, и на этот раз Государство Ляо было настроено решительно — они не собирались отступить, пока не захватят приграничные земли.

Прежняя династия погрузилась в хаос, простому народу жилось невыносимо трудно. Лишь недавно всё стало понемногу налаживаться, но казна и запасы продовольствия оскудели, так что вести затяжную войну было просто нечем.

Государство Ляо прекрасно это понимало, а потому намеренно затягивало боевые действия, надеясь измотать Государство Цзян до полного истощения.

Меж бровей Императора залегла глубокая складка, с каждым днём становившаяся всё заметнее, да и сам он сделался куда более раздражительным.

Государство Цзян было основано сравнительно недавно. Великие генералы, которые в былые годы сражались на полях сражений и завоевывали империю, одни состарились, другие получили увечья, и большинство из них уже удалилось на покой, чтобы провести старость в тишине и мире. Достойных же лидеров нового поколения вырастить ещё не успели, а самый талантливый из них, Сяхоу Дин, погиб в бою.

Царящая при дворе атмосфера угнетала до жути. Именно в этот момент Юнь Фэй решила воспользоваться случаем и сама вызвалась пойти на фронт.

Её изначальные позиции были слишком сильны: после смерти Вэй Эрнян ей досталось немало влияния, а благодаря тому, что грозная слава покойной матери всё ещё гремела повсюду, при дворе её прошение приняли без особого сопротивления.

Такой результат дался на удивление легко, заставив Юнь Фэй на пару секунд даже удивиться, но вскоре она поняла причину.

В народе говорят: у отца-тигра не бывает слабых щенков. Люди верили, что дочь Вэй Эрнян непременно окажется столь же блистательной и одарённой женщиной, способной без страха вести войска за собой и громить врагов на поле брани.

Сама первоначальная хозяйка тела была неплоха, но до Вэй Эрнян ей было далеко, не говоря уже о том, что ради мужчины она унижалась, стелась перед ним и вымаливая крохи внимания — подобного Вэй Эрнян не совершила бы никогда в жизни.

У Вэй Эрнян был гордый нрав: перед её сияющим взглядом меркли тысячи мужчин. Она вышла замуж за Юнь Ле не по любви, а по расчету — потому что так было нужно. Она никогда не потеряла бы себя ради кого-то другого; она была собой и никому не позволяла изменить её.

Юнь Фэй мгновенно поняла, почему столичные знатные девы ставили Вэй Эрнян в пример, но при этом неизменно презирали прежнюю хозяйку тела и с удовольствием злорадствовали над её неудачами.

Все ожидали, что она станет второй Вэй Эрнян, а вместо этого она превратилась в слепо влюблённую дурочку. Искреннее расположение окружающих сменилось горьким разочарованием, а после череды унижений ради любви — открытым презрением. В конце концов от неё отвернулся даже Император — иначе при её происхождении она никогда не угодила бы в столь плачевную ситуацию.

Так что навлекают беду на собственную голову куда больше людей, чем одна лишь Юнь Цзиньсэ.

Юнь Фэй отбросила эти мысли. Она редко испытывала сострадание к женщинам, теряющим гордость из-за любви, а уж тем более к таким особам, как прежняя владелица тела, умудрившаяся сгубить прекрасные карты, выпавшие ей при рождении. И всё же, раз уж она заняла её тело, а та вдобавок не совершила совсем уж непростительных злодеяний, она исполнит её заветное желание — иначе несчастной не суждено было бы обрести покой даже на Дороге Хуанцюань.

Юнь Фэй облачилась в доспехи, принадлежавшие некогда Вэй Эрнян, оседлала коня с благородной осанкой и выехала из столицы. Позади неё тянулись десятки тысяч суровых и молчаливых воинов, уходя всё дальше от столицы.

В погруженной доселе в уныние столице вновь зазвучали радостные возгласы и звонкий смех.

В те годы смуты жила удивительная женщина в алых одеждах и боевых доспехах, чьё сердце болело за всю Поднебесную, а подвиги поражали воображение. Она была истинной богиней войны в глазах каждого — непобедимая, бесстрашная и героическая.

Теперь же её дочь надела её доспехи, и люди искренне верили, что она, подобно матери, спасет простой народ из пучины хаоса и избавит от тягот войны.

В этом были непоколебимо уверены абсолютно все, и даже перед самым отъездом Юнь Фэй Сяхоу Минчжу специально приходила к ней, чтобы выразить свою веру в её успех.

Столь слепое доверие отзывалось в душе Юнь Фэй лёгким грузом ответственности. Но в тот же миг она ясно осознала, почему прежняя хозяйка тела до беспамятства влюбилась в Чу Тяньлин.

В глазах окружающих она была дочерью Вэй Эрнян и была обязана превосходить всех

остальных. Даже её собственный отец искренне верил, что у неё такой же твердый характер и несгибаемая воля, как у матери. Разумеется, девочка, с ранних лет лишившаяся материнской заботы, никак не могла обладать силой духа Вэй Эрнян.

Чу Тяньлин был отвратительным человеком, но он оставался единственным, кому было совершенно плевать на то, что она — дочь прославленной Вэй Эрнян. В его глазах она была лишь назойливой невестой, от которой никак не удавалось избавиться.

Она жаждала признания, а не того, чтобы в ней видели исключительно дочь Вэй Эрнян.

Ведя за собой армию, Юнь Фэй удалялась всё дальше и всё отчётливее понимала, сколь злую шутку с ней сыграла судьба. С самого рождения на прежнюю хозяйку тела падали отсветы бесчисленных лучей славы, оставленных её преждевременно ушедшей матерью. Для самой же девушки это сияние давным-давно превратилось в тяжёлые оков.

Поход занял добрую половину месяца, и наконец войско Юнь Фэй прибыло к границе. Юнь Ле в это время вёл бой с армией Государства Ляо и отсутствовал в лагере, поэтому все дела временно перешли под начало генерала Хун.

Генерал Хун был уже в зрелых годах. На его лице залегал жуткий шрам от сабли, из-за чего он до сих пор не обзавёлся семьей. Когда-то давно старики из обоза подобрали его сиротой, и он вырос прямо в армии, пройдя путь от ветхих и разодранных палаток прежней династии до просторных и тёплых шатров Государства Цзян, превратившись из простого конюха в прославленного генерала.

Завидев приближающуюся Юнь Фэй, генерал Хун тут же бросился ей навстречу. В молодости он сражался под началом Вэй Эрнян, а потому к самой Юнь Фэй питал совершенно особенные чувства.

— Чего это ты притащилась сюда? — нахмурился он, изображая недовольство, за которым, впрочем, скрывалось искреннее беспокойство за её безопасность.

Все вокруг привыкли считать, что дочь Вэй Эрнян будет столь же несокрушимой, как и её мать, совершенно забывая, что ей самой едва стукнуло пятнадцать-шесть лет и она ещё совсем юна.

В ту эпоху, откуда пришла Юнь Фэй, девочки в таком возрасте ещё учились в школе и оставались беззаботными детьми. Даже сама Вэй Эрнян в её годы сидела в покоях за вышиванием.

— С чего это дядя Хун так тревожится? — Юнь Фэй легко соскользнула с седла и успокаивающе сжала руку генерала.

В трагической судьбе прежней хозяйки тела была немалая вина окружающих.

Вэй Эрнян была выдающейся женщиной, чья одарённость встречалась раз в тысячелетие, но разве можно было требовать от обычной девчонки соответствовать её подвигам?

Все люди рождаются разными, и даже у матери с дочерью должен быть свой собственный путь.

Если раньше Юнь Фэй относилась к прежней хозяйке тела с презрением, то теперь в её сердце осталось лишь сочувствие. Вырастая в подобных условиях и при этом не озлобившись, не сломавшись и не скатившись в безумие, та проявила поистине железную волю. Юнь Фэй не

была ею и не испытала на себе всего того унижения, но ей доводилось бывать в бесчисленных мирах, и с подобными судьбами она сталкивалась столь часто, что это уже не вызывало в душе бурных чувств.

Обменявшись парой слов и успокоив генерала Хуна, она наскоро перекусила, а затем принялась вводить себя в курс дела, расспрашивая о текущей обстановке.

На этот раз силами Государства Ляо командовал наследный принц Елюй Гу. Когда-то он уже бывал в столице Государства Цзян и через Юнь Цзиньсэ выведал множество секретов страны. Именно он воспользовался моментом и подстроил гибель Сяхоу Дина.

Теперь в Государстве Цзян не было человека, которого ненавидели бы сильнее, чем наследного принца Ляо.

Приграничная война шла изнурительная. Прежний распутный император проводил массовые мобилизации, и многих мальчишек силой забирали в армию, где большинство из них погибало. Численность населения резко сократилась, и лишь за последние годы показатели начали понемногу восстанавливаться, однако людей в войсках всё равно не хватало.

Окинув взглядом лагерь, Юнь Фэй заметила, что большинство солдат — совсем молодые парни лет двадцати, с горящими глазами и полные амбиций.

Пройдя мимо группы новобранцев, Юнь Фэй замедлила шаг. Всмотревшись в толпу, она замерла на пару секунд, а затем направилась прямо к ним.

Ей показалось, будто среди них мелькнуло знакомое лицо.

Эти новобранцы лишь недавно вернулись с передовой: одни выглядели возбуждёнными, другие всё ещё подрагивали, лица их были измазаны грязью, а на одежде ещё не успели засохнуть пятна крови.

Они наперебой шумно хвастались своими боевыми успехами, и лишь один человек сидел в стороне, храня пугающее молчание. Он ссутулился, низко опустив голову, так что лица было не разглядеть; растрёпанные пряди падали на лоб, а на виске чернела запекшаяся кровь.

— Му Цэн, ты чего молчишь? — парень помладше, заметив его молчание, решил завязать разговор и по-свойски закинул руку ему на плечо, изображая закадычных друзей.

Мужчина по имени Му Цэн явно чувствовал себя крайне неудобно от такого проявления панибратства. Его тело напряглось, и он неловко оттолкнул чужую руку.

— Му Цэн, ты что, девчонка? — обиженно протянул отвергнутый паренёк. — Все мы тут мужики, чего ломаться-то?

Му Цэн слегка приподнял голову, и даже грязь, покрывавшая его лицо, не могла скрыть его утончённых черт и природной привлекательности.

— Мне не очень нравится подобное.

— Крыс, глянь на него: беленький да чистенький, совсем не похож на таких увальней, как мы, — поддразнил его стоявший неподалеку солдат.

Му Цэн неловко улыбнулся.

В этот момент к ним медленно приближалась Юнь Фэй. Она никогда не скрывала, что является женщиной, поэтому новобранцы при виде её появления мгновенно замерли от удивления и поспешно поднялись на ноги.

Му Цэн, не понимая в чём дело, повернул голову — их взгляды встретились.

Юнь Фэй на мгновение опешила: надо же, это был он.

Она не стала называть имя Му Цэна при всех, а вместо этого представилась сама. Если бы на её месте оказалась другая женщина, она, пожалуй, столкнулась бы с сопротивлением закоснелых предрассудков, но поскольку она была дочерью Вэй Эрнян, всё вокруг изменилось в корне.

Это происхождение одновременно служило и оковами, и величайшим преимуществом.

Узнав, кто она такая, солдаты посмотрели на неё совсем иначе — в их глазах читалось глубокое уважение.

Му Цэн же, глядя на совершенно изменившуюся со времён их последней встречи Юнь Фэй, снова опустил голову и больше не смел поднять на неё взгляд.

<http://bllate.org/book/21612/2229335>